

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Межвузовский сборник научных трудов
Выпуск 9

Тверь 2009

УДК 802/809(082)
ББК Ш12
И68

Отв. редактор О.С.Шумилина

И68 Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сборник научных трудов. Вып. 9 - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 202 с.

Издание является девятым выпуском межвузовского сборника статей преподавателей и аспирантов по актуальным проблемам лингвистики, теории и методики преподавания иностранных языков.

Издание представляет интерес для широкого круга специалистов в области лингвистики и лингводидактики, аспирантов и студентов.

Отпечатано с авторских оригиналов.

УДК 802/809(082)
ББК Ш12

© Коллектив авторов
© Тверской государственный
университет, 2009

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ МАНИПУЛЯЦИИ

К 1970-80-м годам стало очевидно, что при игнорировании человеческого фактора в языке лингвистические исследования отвечают лишь на теоретические вопросы, но не позволяют рассматривать человека, как действующего объекта в реальной практической ситуации коммуникации. Новая лингвистическая теория получила название теории речевого действия или деятельности лингвистики. В центре внимания современного направления этой теории оказывается «не только язык в неразрывном единстве его формы и субстанции, но и более высокое единство, а именно единство языка и человека – действующего в реальном мире, мыслящего и познающего, общающегося с себе подобными». Деятельностная лингвистика нацелена, прежде всего, на «человека, его потребности, мотивы, цели, намерения и ожидания, его практические и коммуникативные действия, коммуникативные ситуации, в которых он участвует либо как инициатор и лидер, либо как исполнитель «второй» роли» [Аристов, Сусов 1999: 4].

Необходимо отметить, что это деятельностное направление – не первый опыт лингвистов, принимающих во внимание личность человека, его социальные, психологические и др. качества в процессе ситуации коммуникации. Такие лингвисты как В.фон Гумбольдт, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Щерба и Сепир предложили антропологический подход к языку, который «активизировал интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего. Стало ясно, что реализация и интерпретация определенных стратегий речевого общения не могут осуществляться без учёта многообразных личностных и социокультурных аспектов коммуникативного процесса» [Op.cit.: 5-6].

Подобным образом в европейской филологической традиции структурализма (40-50-е гг.) (в отличие от американской) считалось неоправданным огрублением пренебрегать в описании языка экстралингвистическими сведениями из истории народа, говорящего на этом языке. Наследием структурализма стал функционализм. С точки зрения коммуникативного функционализма, язык должен изучаться под углом зрения своей роли в человеческой коммуникации. Главная функция языка - инструментальная: язык - инструмент речевого взаимодействия людей [Демьянков 1995:263]. Позднее в рамках данной теории появился интерпретационный функционализм. В нём все высказывания, возможные с точки зрения грамматики языка, рассматривались с указанием на определенный контекст, т.е. реальный процесс общения. Ярким примером интерпретативного функционализма является теория речевых актов.

Впоследствии ТРА стала неотъемлемым компонентом теории речевого

действия: прагматика, представляющая деятельностную лингвистку в самом широком смысле, приобрела свое развитие именно под влиянием теории речевых актов (Дж.Л.Остин, Дж.-Р.Серль, З.Вендлер). Теория речевых актов, известная также как теория речевой интеракции, помогает обнаружить и классифицировать методы и средства выражения результата коммуникативного процесса, его функционирования в контекстной вариативности.

Помимо ТРА сторонники деятельностного направления предлагали теорию коммуникативной компетенции для «восстановления прав человека в гуманитарном исследовании» [Демьянков 1995: 285].

Теория «коммуникативной компетенции» рассматривается в рамках социолингвистических теорий и изучает такие области человеческого общения как «нарратологию» (исследование повествования), «грамматику рассказа», «общую теорию речевого общения», «конверсационный анализ» и развивающийся внутри него анализ разговора (т.е. спонтанной устной речи).

В русле теории действия можно проследить направление анализа разговора, которое развивалось немецкими учёными Й. Ребайном, Д. Вундерлихом и др. Они также применяют деятельностный подход к языку как средству общения, говоря о том, что «человек в определенной ситуации сознательно и целенаправленно воздействует на объект. Согласно данной теории логический аспект вербальных действий основан на сравнении параметров исходной ситуации, имевшей место до свершения вербального действия, с параметрами ситуации, наступившей после его свершения. Основной характеристикой диалога в данном случае признаётся цель, направленная либо на изменение, либо на сохранение определенного положения дел» (цит. по [Недобух 1992: 6]). Это же подтверждает М.М. Бахтин, говоря, что необходимым условием возникновения коммуникативной ситуации и успешного её завершения является коммуникативная интенция или «коммуникативная заинтересованность» (по определению М. М. Бахтина); главным условием успешного речевого общения является умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел (намерение, интенцию) говорящего.

Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, рассматривавшие межличностную коммуникацию как основное направление теории речевой деятельности на основе общепсихологической теории деятельности, ключевыми факторами речевой коммуникации определяют мотив и цель. Мотив соотносится с коммуникативной деятельностью и выполняет функцию побуждения субъекта к активности. Цель почти всегда является осознанной, в то время как мотив может осознаваться, но может быть и неосознанным. Мотив и цель при достижении замысла могут совпадать. В процессе осуществления межличностной коммуникации важно уметь разгадать мотив собеседника, особенно если смысл его высказываний неясен.

Межличностная коммуникация, взаимодействие и контакт раскрываются в процессе разворачивания диалога. «...коммуникативность присутствует во

всех формах речевой деятельности, то есть любая речь является диалогической. В диалогической речи два или больше коммуниканта вступают в коммуникативный контакт, обмениваются информацией, мыслями, впечатлениями» [Леонтьев 2007: 46].

В данной статье мы обращаемся именно к такой форме межличностной коммуникации как диалог, поскольку, как отмечает И.П.Сусов «только диалогическая речь в её естественном виде самым полным образом реализует специфику человеческого общения как обмена действиями, как социальной интеракции <...>. Только в диалогической речи дано полностью всё многообразие видов взаимодействия между коммуникативными интенциями общающихся и между их речевыми ходами. Поэтому диалог представляет благоприятные возможности для прагмалингвистических исследований... для выявления правил интерактивного поведения участников общения» (цит. по [Недобух 1992: 25]). Точно также, по мнению Щербы «монолог является в значительной степени искусственной языковой формой, подлинное бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (цит. по [Якубинский 1986: 25]). По Бахтину любые коммуникативные отношения – это в первую очередь диалогические отношения. Это определение он даёт в рамках своей философской модели коммуникации, определяя диалог как «особый тип смысловых отношений, выходящих за рамки реального диалога, будь то житейская беседа, научная дискуссия или политический спор» (цит. по [Басков 2006: 10]).

С точки зрения прагмалингвистического подхода И.П.Сусов трактует диалог как процесс «использования людьми естественного человеческого языка как качества орудия социального действия и взаимодействия в условиях конкретных ситуаций общения на основе специальной системы правил постулатов и стратегий» (цит. по [Недобух 1992: 19]). Как отмечает Сотникова, диалог подчинён психологии межличностных отношений, представляет собой результат взаимодействия как минимум двух участников общения, преследующих свои цели. «Диалогический текст материализует согласование намерений, задач, интересов, желаний, волеустремлений участников речевой коммуникации и как личностей, и как явлений социального порядка» (цит. по [Недобух 1992: 20]).

А.С. Недобух отмечает, что для достижения коммуникативной цели необходимо осуществить не одно вербальное действие, а целый ряд речевых/неречевых действий, которые он объединяет в макродействие. Данные действия могут следовать друг за другом, выполняться одновременно, быть противоположными относительно друг друга, либо быть в иерархических отношениях, подразделяясь на основные и вспомогательные. Отличие вспомогательного действия от основного определяется постановкой цели, когда главное – не конечный результат макродействия в целом, а сопутствующий его достижению. Вспомогательное действие является своего рода условием, на основе которого достигается необходимый результат. Иерархическая

взаимосвязь действий должна соответствовать условию единой целенаправленности. Даная глобальная цель представляет собой макроинтенцию, состоящую из интенций микродействий, которые в процессе общения реализуют отдельные компоненты макроинтенции.

Любая человеческая деятельность существует как цепь действий, побуждается несколькими мотивами и характеризуется конечной целью, достижение которой планируется субъектом заранее. Речевые действия, которые человек использует для осуществления своей деятельности, хотя и побуждаются общим для акта деятельности мотивом, имеют собственную промежуточную цель – определённую организацию деятельности адресата, посредством которой говорящий стремится спровоцировать его поведение в нужном для себя направлении [Леонтьев 2007: 98].

Другими словами инициатор коммуникации предлагает своему партнёру по общению предварительную разработку и построение коммуникативных стратегий, под которыми инициатором понимаются оптимальные способы реализации коммуникативных интенций. Если отношения между партнёрами равные, то такая разработка и построение стратегий может быть расценена как оптимальный вариант помощи собеседнику в процессе коммуникации. Однако, часто инициатор общения, преследуя свою собственную цель (цели) стремится скрыть от собеседника своё истинное коммуникативное намерение; оставаясь диалоговым по форме, коммуникация переходит в разряд монологических без осознания этого адресатом общения.

В социальной психологии есть два термина, касающихся непосредственно ситуации коммуникации – диалогический тип общения и монологический тип общения. «Диалогическое общение осуществляется... когда собеседники воспринимают друг друга как равноправных партнёров...каждый из собеседников считает другого как человека, имеющего право на собственное мнение» [Андриенко 2004: 187]. Монологическое общение может быть императивным и манипулятивным. При императивном общении один из общающихся стремится доминировать над другим и, что важно, считает, что обладает правом на это. «Манипулятивное общение также характеризуется субъект-объектным отношением, однако манипулятор стремится использовать партнёра в качестве объекта таким образом, чтоб тот этого не заметил, прибегая к игре, лжи и различным манипулятивным техникам» [Op.cit.: 188].

Этот же подход мы встречаем у М.А.Баскина. В своей диссертационной работе он разграничивает такие ситуации коммуникации, как демократическая коммуникация (диалогическая), с приоритетностью обратной связи, которую можно разделить на ситуации дискуссии и обмена мнениями, где решающую роль играют ассертивы и экспрессивы; и иерархическая коммуникация (монологическая), с приоритетностью прямой связи, которую можно разделить на такие типы, как манипулятивная коммуникация и ситуация убеждения, где решающую роль играют директивы и декларативы [Баскин 2006].

«Языковое общение в норме предполагает сотрудничество, в основе которого лежит принцип кооперативности общения. Но в реальности далеко не всякий диалог кооперативен. Цели участников диалога могут и не совпадать. Если говорящий тщательно выбирает такой способ описания, который обеспечит нужное ему восприятие ситуации слушающим, а слушающий никакого «отбора» не ощущает, то можно говорить о языковом манипулировании» [Плохинова, Лапинская 2002: 25].

Важнейшей характеристикой манипулятивного воздействия является наличие явного и скрытого уровней воздействия. Явный уровень выполняет функцию «легенды» или «мифа», маскирующего истинные намерения манипулятора. Скрытым уровнем является тот, на котором как факт воздействия, так и его цель тщательно утаиваются от адресата. Наличие двойного воздействия как характерной черты манипуляции специально подчеркивается О. Т. Йокоямой (цит. по [Доценко 2007: 659]), которая показывает технологическую неизбежность маскировки манипулятивного намерения, без которой манипуляция просто не состоится. Скрытое воздействие, однако, скрыто от адресата лишь психологически. Феноменально оно встроено в сюжет «легенды» как набор вполне легальных элементов. Они могут выглядеть или как часть данной легенды (если манипуляция достаточно искусна), или как случайные включения, на которые обычно не обращают внимания. Эти элементы функционально являются «приманкой», на которую, как надеется манипулятор, должен «клюнуть» адресат.

В приведенном ниже диалоге, когда Ребекка и Эмилия обсуждают Джозефа, такой приманкой является вполне невинный, «в русле беседы» вопрос Ребекки, позволяющий выведать интересующую её информацию:

- Он, наверное, страшно богат? – спросила Ребекка. – Говорят индийские набобы ужасно богаты!

- Кажется, у него большие доходы.

- А твоя невестка, конечно, очаровательная женщина?

- Да что ты! Джозеф не женат! – сказала Эмилия и снова засмеялась.

И далее, следуя выбранной легенде, Ребекка

«принялась уверять и клясться, что ожидала увидеть целую кучу племянников и племянниц Эмили. Она крайне разочарована, что мистер Седли не женат; ей казалось, что Эмилия говорила ей о женатом брате» (У. Теккерей. Ярмарка тщеславия).

Таким образом, в манипулятивной ситуации манипулятор сталкивается с двойной задачей – оказать психологическое влияние на собеседника, реализуя свою коммуникативную интенцию и в то же время применить ту или иную манипулятивную уловку, отвлекая внимание адресата.

Другими словами, в манипулятивной ситуации со стороны актора обнаруживается как минимум два потока воздействия или две группы векторов (по терминологии Е.Л. Доценко). Одна группа векторов оказывается релевантной основной цели воздействия, другая же призвана обеспечить подат-

ливость адресата к манипуляции. Так в приведенном примере основная задача – получить информацию, не заостряя на этом внимания собеседника. Релевантная ей активность направлена на подбор и применение приемов отвлечения. вспомогательная задача — сделать это незаметно для адресата. Поэтому манипулятор беспокоится еще и о том, чтобы естественно и мягко ввести легенду.

Для этого манипулятор всеми силами стремится поддержать видимость двустороннего равноправного общения, а потому протекающая коммуникация должна обладать всеми существенными признаками диалога как способа равноправного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриенко Е.В. Социальная психология. М.:Academa, 2004. – 264с.
2. Аристов С.А., Сусов И.П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // Лингвистический вестник. - №1. – Ижевск, 1999. – С. 3-15.
3. Баскин М. А. Формирование результирующих образований при понимании текста (полиструктурный анализ): Дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2006. – 176с.
4. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. - М.: Институт языкознания РАН, 1995. С.239-320.
5. Доценко Е.Л. Манипулятивные технологии // Внушение и манипуляция. - Самара: Бахрах -М, 2007. – 752с.
6. Леонтьев А.А. Психология общения. - М.: Смысл, 2007. – 368с
7. Недобух А.С. Прагма-семантический аспект диалога. – Издательство Удмуртского университета: Ижевск, 1992. – 162с.
8. Плохинова А.С., И.П.Лапинская. Языковые манипуляции // Язык, коммуникации и социальная среда. – Воронеж, 2002. – С. 25-26.
9. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. - М., 1986. - С. 17-58.

М.В.АРХИПОВА

Челябинский государственный университет

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ СУЩНОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ РЕПЛИКАЦИИ

Антропологический принцип исследований языка XX и XXI веков стимулировал большой интерес ученых к изучению коммуникативных процессов, как внешних, так и внутренних.

Внутренняя речь выражает сложность духовного мира человека и имеет глубокую диалектическую природу. Внутренняя коммуникация реализует многоликие взаимные тяготения чувства и разума, сознательного и бессознательного, привычного и новаторского, различных эмоций амбивалентной структуры, неоднородных интеллектуальных позиций в умственном споре личности с самим собой. Целью личности является обретение внутреннего